

8. О мерах улучшения преподавания общественных наук в высших учебных заведениях. Постановление ЦК ВКП(б) 6 августа 1951 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т8. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. С. 245–246.
9. Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 томах / под общ. редакцией М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1955–1968.
10. Очерки истории исторической науки в СССР. Том IV / под общ. редакцией М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1966. 855 с.
11. Очерки истории исторической науки в СССР. Том V / под общ. редакцией М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1986. 605 с.
12. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики): в 12 томах. П.-Л.-М.: Книга, 1918–1926.
13. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 17. Д. 454.
14. Социологический журнал. 1995. № 3.
15. Сталин И. Относительно марксизма в языкознании. К некоторым вопросам языкознания. М.: Главполиграфиздат, 1950. 40 с.
16. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. 1917–1922. М.: Весь мир, 1997. 560 с.

УДК 303. 026

В. А. Дмитриев

**ОБ АКТУАЛЬНОСТИ КАТЕГОРИИ «ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ»:
ЧАСТЬ 2. ФАКТ И ИНФОРМАЦИЯ**

Этнографический факт в статье рассматривается как информация об этносе и его культуре. Содержанием этнографического факта является архаика – сохраненный пережиток. Специфика источника определяется не только его свойствами как носителя информа-

ции, но и разновидностями науки: описательной этнографии, теоретической этнографии, музееведения.

Ключевые слова: факт этнографической науки, информация, источник, архаика, этнография.

V. A. Dmitriev

**THE RELEVANCE THE «ETHNOGRAPHIC FACT» CATEGORY:
PART 2. THE FACT AND INFORMATION**

In the present article an ethnographic fact is viewed as information about an ethnic group and its culture. The content of an ethnographic fact is archaic – preserved relicts. The peculiarities of the source are determined not only by its properties

as a medium of information, but also branches of science: descriptive ethnography, theoretical ethnography and ethnographic museum science.

Key words: the fact of ethnography, information, source, archaic character, ethnography.

Подход, ведущий к разделению наблюдений на факты действительности и факты науки, призван декларировать объективный характер науки, но он соответствует принципам познания, когда сопоставляются факт действительности – явление, попавшее в поле наблюдения, и факт науки, фактофиксирую-

щее предложение [14, с. 46–47; 6, с. 34–41; 22, с. 106–115; 11, с. 129–148]. Для исторического познания разделяют в одном случае, научно-исторический факт [1, с. 152], в другом, восприятие ученым факта и фиксация им его в источнике [5, с. 82–83]. Не подвергается критике положение о том, что объективной

предметности (факту-реальности) путем ее фиксации должен быть придан статус научного факта при помощи введения его в концептуально определенную логико-семантическую схему [2, с. 93]. Так происходит потому, что реальное сначала маркируется как состояние присутствия предмета, а затем как вторичное представление о предмете [20, с. 9], так происходит взаимодействие исследователя с фактом действительности как переход от незнания к знанию [16, с. 44].

Взаимодействие исследователя с действительностью означает переформатирование информации. Еще до образования фактосуждения в мозгу исследователя возникают факты-впечатления и факты-переживания [20, с. 13–15]. Затем информация трансформируется в две разновидности фактофиксирующего суждения, либо как речь, либо как образ. После этого она соединяется с адекватным носителем, в результате чего образуется источник фактов науки. Сведения, прошедшие через фактосуждение, релевантны факту действительности в той же мере, в какой они релевантны тем установкам науки, которым исследователь следует. Для одной категории источников их рождение происходит при соединении информации с новым носителем (этнографические факты, вошедшие в полевые записи), для другой – при отделении от среды бытования (вещи), для третьей сохраняется прежний носитель (факты, зафиксированные другими исследователями).

Особую информацию предоставляют вещи, которые всегда остаются элементом действительности и трактуются как чистая бесконечная информация [3, с. 121]. При этом вещь является фактом и остается носителем информации. Информацию о вещи наблюдатель создает ее описанием, т. е. созданием источника науки, информацию в вещи он получает, используя другие методики. Второй вид информации латентен, но доступен. Информация о вещи и содержащаяся в ней выявляется дважды, в среде первичного бытования (в полевом исследовании) и в среде музейного бытования (в процессе документирования музейного предмета).

Существует еще одна категория информации, близкая к вещи – ментальные конструкции, существующие в изучаемой среде и отмечаемые исследователем. К ним мы отно-

сим фольклорные памятники, высказывания информантов-носителей данной традиции (материалы интервью, рассказы очевидцев и «знающих людей», оценочные высказывания, мнения, аутостереотипы, проявления коллективного самосознания, предания, слухи) и информантов из другой среды (гетеростереотипы), иначе интерпретации культуры, исходящие из среды ее носителей [15, с. 40–47]. Как факт они двойственны: с одной стороны, являясь прозвучавшими высказываниями, они реальны; с другой стороны, они могут быть ложными, вымышленными, сугубо авторскими, вторичными, косвенными и т. д.

Источники, используемые в этнографии, могут быть разделены по общей схеме на остатки и известия [10, с. 146–147]. Относительно собственных этнографических источников полагают, что, имея дело с реально наблюдаемой культурой, исследователи не нуждаются в источниках-остатках, а известие можно заменить на свидетельства других людей.

Зафиксировав первичный факт, эмпирическая наука делает все возможное для его архивации, создавая источники, включающие в себя и факт (факт-фактосуждение) как информацию и носитель данной информации, что приводит к появлению предмета сохранения этнографического факта вне среды, породившей его: вербальное описание (запись в полевом дневнике или любое записанное свидетельство очевидца, зрительное свидетельство (фотография или рисунок, звуковое свидетельство (фонозапись), музейная коллекция.

Движение от факта к источнику давно уже принято в археологии, хотя далеко не всегда исследователи разделяют категории памятника (археологический факт) и источника. В археологии памятник существует независимо от исследователя и, что важно, с исследованием информативность памятника падает вплоть до исчезновения памятника в процессе раскопок, а информативность источника возрастает [9, с. 71–75].

Попробуем еще раз рассмотреть связь понятий «источник» и «факт», двигаясь теперь от источника к факту. При всей значимости факта в признании его реальности в определенном смысле присутствует компонент доверия к сообщаемым фактосуждениям. Достоверность фактосуждения обсуждается реже, чем истинность источника.

Признавая разделение этнографических источников на создаваемые в рамках полевой этнографии и используемые в этнографической науке и видение источника как синтеза информации с ее носителем, нельзя не признать, что представление этнографического факта в этнографическом же источнике может быть многообразно.

Начнем с источников, создаваемых в поле, когда исследователь контактирует с этносом и его культурой, отмечая ее явные и неявные смыслы. Оставим герменевтическим подходам решение о том, относятся ли смыслы культуры к этнографическим фактам и фактам вообще, обратимся только к реалиям культуры, которые может эмпирически зафиксировать исследователь. В результате фиксации возникают источники: полевые записи наблюдений и бесед с информаторами (их конкретные формы сейчас нас не интересуют); фотографические, кино- и видеоматериалы; фонозаписи; объектные компоненты культуры, как отмеченные исследователем в культурной среде, так и изъятые им из культурной среды; зафиксированные тем или другим способом поступки и события (из которых более всего вызывает интерес ритуальная деятельность, подкрепленная фольклорными обстоятельствами как живое сочетание соционормативной и гуманитарной субкультуры), документы, создаваемые в этнокультурной среде – объекты, материальной составляющей которых можно условно пренебречь (бытовые памятники письменности и другие носители народных знаний). Содержание в них этнографического факта, несомненно, различно.

В полевых записях исследователя уже не содержатся факты действительности, в них присутствуют факты науки, фактосуждения, описания и оценки фактов действительности, отражение переживаний наблюдателя. Перевод фактов действительности в факты науки, что определяется компетентностью исследователя, делает полевые записи основным первичным источником для дальнейшего использования.

Записи бесед с информаторами содержат оценку информации исследователем, т. к. только он принимает окончательное решение, какая информация будет зафиксирована. Далее в них фиксируется субъективная оценка явлений и событий, степень индиви-

дуальности или типичности которой находится под вопросом. В беседах формируется дистанция между внешними и внутренними оценками культуры, ее этным и эмным дискурсами. Формально сама беседа – скорее источник, чем факт, но речь информатора является фактом, а содержание – информацией. В ходе бесед поступает также информация этнопсихологического характера: негативные и позитивные оценки, стереотипы, мнения, этнические доктрины; существует представление, что эти категории являются скрытыми фактами, а источниками для их восприятия являются слова и действия [7, с. 34–52]. Так формируются готовые к прочтению собственные нарративы культуры.

О фотографических материалах существует расхожее суждение, что фотография – это застывшая действительность. На самом деле это далеко не всегда так, даже, если начать с того, что фотография – это фрагмент действительности, отобранный исследователем. Кино- и видеоматериалы отчасти смягчают последствия этого отбора, соединяя фрагменты действительности. Этнографическая фотография, или, точнее, антропологическая, обречена на постановочность, люди хотят выглядеть наряднее и приличнее, многие старые фотографии статичны, а лица людей на них напряжены; наблюдатель-этнограф ищет и фиксирует признаки этничности, в результате объекты съемки могут быть одеты в «идеальный», но не повседневный народный костюм. Фотографии, на которых присутствуют люди разных половозрастных групп не оставляют даже возможности мысли о присутствии здесь обычая избегания.

Так же, как фотографические источники, можно оценить и фономатериалы или звукозаписи.

В полной мере к фактам действительности относятся объективированные предметы культуры, вещи и артефакты, если под последними понимать следы людской жизнедеятельности, не ставшие вещами (хозяйственные угодья, следы от орудий) и переставшие быть ими (развалины). За исключением моделей и предметов, сделанных по заказу ученого, вещи обладают функциональностью и типичностью в своей культуре, объективной подлинностью, т. к. их возникновение не сопряжено с деятельностью наблюдателя/

этнографа. Только вещи, находящиеся в бытовании, активном или пассивном, являются фактами действительности. Остается вопрос, можно ли применить понятие источника к вещам, находящимся в бытовании. Само бытование, сферу отношений, в которых состоят вещи, можно отнести к фактам действительности, однако уже наблюдение за бытованием вещей имеет признаки научного эксперимента и реализуется в фактосуждениях, запись фактосуждения является фактом науки. Изъятие из бытования вещи подлинности не теряют, меняя типичность с культурно-оригинальной на коллекционную. Пребывание в коллекции не делает вещи фактом науки: факт коллекции – это отдельная категория. Для превращения вещи в факт науки необходимо получение ею статуса документа, т. е., с одной стороны, соединения предмета с культурологической информацией, включая выделенную информацию о самом предмете, с другой стороны, подключения предмета в качестве источника для научных моделей описания культуры. Таким образом, фактом науки вещь становится только в музее, хотя возможным становится их произвольное использование, превращающее документ в пособие.

Если говорить об источниках, привлекаемых в этнографии, то следует подчеркнуть, что таковыми они являются, содержа информацию, необходимую для этнографического исследования и находящуюся не только в специфических фактах науки, что определяется существованием ряда самостоятельных научных дисциплин, но и, как представляется, и в категориях фактов действительности. В археологии существуют факт действительности в виде находящегося в земле артефакта и факт науки в виде отчета о раскопках разведках. Есть также и фольклорный факт действительности в виде интонированного речевого образца, и фольклорный факт науки в виде его записи исследователем. Если этнографическая информация присутствует в источнике мемориального вида, то и изначально она содержалась в факте биографии лица, оставившего мемуары. По-видимому, проблемы, связанные с этнографическим фактом действительности, на самом деле больше, чем в других научных дисциплинах, зависят от доли субъективизма в методах науки. Причем данный субъективизм присутствует в двух измере-

ниях: как в субъективности предмета науки – этничности, так и присутствии наблюдателя. Роль последнего весьма велика, если метод непосредственного наблюдения получил статус научного и основного [4; 8; 12; 13].

Определение категории этничности не помогает определению категории «этнографический факт» потому, что, во-первых, характеристику основного объекта науки нельзя дать, находясь в ее рамках, и этнография в этом плане не является исключением, а, во-вторых, этнография не столько изучает этничность, сколько, как это становится постепенно ясным, существует и действует в рамках этнической парадигмы. К полевой этнографии это относится особо, т. к. исследователь/наблюдатель отправляется в среду общности, уже априори признанной этнической.

Основной метод этнографии – полевое непосредственное наблюдение – придает ей характер дисциплины, синхронизирующейся с предметом изучения, в этом плане этнография всегда была наукой о современности. Однако синхронизм не относится к целеполаганию данной науки, о чем можно судить, наблюдая как предметную область современности все более подчиняет себе относительно новая научная дисциплина – история повседневности [17, с. 3–19].

Из того, что полевая этнография не ориентирована на изучение явлений в их диахронии, не следует, что она ими не занимается, на деле из других областей этнологического знания поступает целеуказание на отбор традиционных явлений в синхронно наблюдаемой культуре. Возможно, категория традиции не вполне адекватна этому целеуказанию, т. к. указывает на наличие устойчивой межпоколенной трансмиссии культурных стереотипов, не предполагая характеристики стереотипов, предшествующих фиксируемому. Более адекватно понятие архаики – актуализированного пережитка, что несколько шире присутствия первобытности в современности [3, с. 42–58]. Надо полагать, что этнографы советской школы не случайно так активно отстаивали приоритет своей науки в изучении первобытности [23], и не зря исследование архаики обозначилось в синтезе археологии и этнографии [19].

Предлагается рассматривать этнографический факт в двух смыслах: узком как выделяемые исследователем при наблюдении

устойчивые компоненты архаики и этнической специфики и в широком как информацию, полученную исследователем. Поиск информации определяет категорию факта, а ее закрепление категорию источника. Все же дискуссии по поводу соотношения этнографического факта и этнографического источника ведутся относительно феноменологического понимания факта [3, с. 116–122].

Если этнографический факт в его общем смысле – сохраняющаяся в источнике информация, не исчезающая при смене наблюдателя, то факт науки есть последующая ему форма. Он существует в трех разновидностях научной среды: описательная этнография, теоретическая этнография и этнографические музеи.

В описательной этнографии не делается различия между фактами науки и фактами действительности. Теоретическая этнография обладает особой спецификой в обращении с фактами. В музейной среде этнографический факт существует в наиболее разнообразных формах:

- в виде сберегаемого объекта культурного наследия, в этом качестве он выступает также доказательством ценности этнографического/этнологического знания;
- в виде документа-музейного предмета: вещь, фотография и другие источники этнографической информации и элементы музейного собрания;

– в виде источника/пособия для изучения культурной среды его происхождения;

– в виде инструмента для построения наглядных реконструкций (экспозиционные, графические, вербально-лекционные, каталоги и т.д.), как в структурных (цель продемонстрировать соотношение элементов предметного набора), так и образных (цель создать нужный комплекс идей и чувств) формах.

Реконструкция в музейной среде, как и вся экспозиционная деятельность, ведут к выработке наглядных образцов идеализированной культуры, предназначенной для создания проектируемых образов культуры, что можно назвать «культурологической моделью», сотканной из фактов науки с добавлением объяснительных технологий и идеологических утверждений. В модели вещам и другим источникам возвращается значение факта действительности, тогда как всем образованным из музейных предметов комплексам приписывается значение фактов науки, наделенных свойством истинного отражения действительности. Этнографический факт занимает место в деятельности музеев по реинтерпретации исторической памяти [18, с. 3], а этнографический музей остается местом проверки этнографического факта науки на его соответствие факту действительности.

Литература

1. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 342 с.
2. Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986. 270 с.
3. Белков П. Л. Этнос и мифология. СПб.: Наука, 2009. 281 с.
4. Громов Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Изд-во МГУ, 1966. 110 с.
5. Гуревич А. Я. Что такое исторический факт // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 384–426.
6. Дорошенко Н. С. К проблеме факта в историческом познании // Методологические вопросы общественных наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. Вып. 2. С. 34–41.
7. Ерофеев Н. А. Этнические представления как предмет исследования // Расы и народы. М.: Наука, 1983. Вып.13. С. 34–52.
8. Жлоба С. П., Чернякевич И. С. Полевая этнография (Теория и практика полевых этнографических исследований). Пособие для студентов исторических факультетов. Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2007. 226 с.
9. Жук А. В. Источники археолого-этнографического комплекса (взгляд археолога) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Омск – СПб.: Издание Омск. ун-т, 1998. С. 71–75.
10. Данилевский И. Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 1998. 702 с.

11. Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете теории информации: К постановке проблемы // История СССР. 1982. № 3. С.129–148.
12. Козьмин В. А. Учебник полевой этнографии. Гл. I: Полевая этнография в системе методов этнографической науки // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1993. Вып. 2–3. С. 457–470.
13. Козьмин В. А. Учебник полевой этнографии. Гл. II: Организационные основы полевой этнографии // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1994. Вып. 4. С. 364–374.
14. Логика научного исследования / сост. П. В. Копнин, М. В. Попович. М.: Наука, 1965. 360 с.
15. Неклюдов С. Ю. «Этнографический факт» и его фольклорные экспликации // Фольклор и этнография. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 40–47.
16. Пименов В. В. Этнографический факт // Этнографическое обозрение. 1990. № 3. С. 42–51.
17. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
18. Скрипкина Л. И. Проблемы презентации исторического наследия: культурная и общественная миссия музеев // Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия. Саратов: Новый ветер, 2011. С. 3–14.
19. Савинов Д. Г., Подольский М. А. Теория и методология архаики. СПб.: МАЭ РАН, 1998–2013.
20. Чеснов Я. В. Этнологическое мышление и полевая работа // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 3–15.
21. Шер Я. А. К характеристике понятия «археологический факт» // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 5–16.
22. Штофф В. А. Введение в методологию научного познания. Л.: ЛГУ, 1972. 191 с.
23. Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.: Наука, 1979. 168 с.